

Имею ли я право преподавать?

С 24 февраля в Гатчине будет проходить XIII Российский кинофестиваль "Литература и кино", соучредителем которого является газета "Культура". В его рамках состоится кинофестиваль кинорежиссера Владимира Наумова и актрисы

Натальи Белохвостиковой — "Семейный портрет в интерьере Гатчины". А совсем недавно народная артистка России Наталья БЕЛОХВОСТИКОВА была председателем жюри на кинофестивале ВГИКа. Мы попросили актрису поделиться своими впечатлениями о нем.

— Наталья Николаевна, вы — выпускница ВГИКа, ученица Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. На фестивале были показаны картины нового поколения, воспитанного в стенах вашего родного института. Ощущали ли вы духовное родство с авторами этих фильмов?

— Мне кажется, дух моего ВГИКа жив, я чувствовала это в большинстве конкурсных лент. Конечно, эти ребята трезвее нас, если сравнивать с тем, какими мы были в их годы. Они отдают себе отчет, в какую пучину бросаются, решив связать свою жизнь с кино. И стремятся соответственно начинать эту трудную дорогу.

Я поняла, что они не хотят снимать сериалы — они хотят снимать Кино. Во всяком случае, те, чьи фильмы я видела. Серьезно намерены сделать карьеру — по большому счету, не конкурентному, а творческому. И они приняли эстафету от мастеров, от великих советских кинематографистов. Наверное, они более смелые, более отчаянные, отважные, потому что понимают, что выбрали для себя. Сейчас на культуру отводятся мизерные деньги, поэтому нынешние студенты вынуждены сами искать для себя дополнительные и немалые средства, чтобы снять фильм, кого-то привлечь, убеждать. Как иначе можно сделать фильм за пятьсот тысяч рублей, которые им дают на картину? Для каждого ВГИК — это уже путь в кино, он не имеет права останавливаться, он должен все время двигаться, то есть реализовываться, совершенствоваться, находить новые идеи. И все при таком финансовом раскладе!

Конечно, мы были другими. Это я об актерах... Какое счастье сыграть совсем крошечную роль — только бы сниматься. Лишь бы играть! Сегодня влисковые студенты-актеры полагают, что у них впереди, по меньшей мере, Голливуд. От маленьких ролей вообще отказываются. И режиссеры снимают студентов театральных вузов. В результате мы не присудили ни одной премии за актерские работы — не было достойной ни женской, ни мужской роли. Притом что пересмотрели огромное количество картин. Я даже обратилась к моим будущим коллегам: ради бога, снимайтесь, не отказывайтесь!

— Возможно, их не устраивает предположенный материал?

— Возможно, потому что в работах зарубежных были актерские удачи,

связанные с хорошей драматургией. Вообще там было то, чего не было в наших фильмах. В их картинах была тайна, что так важно для кино. Из-за этого я буквально насмерть билась, чтобы разделить пополам главный приз между норвежской и финской картинами. А в наших работах мне не хватало тайны, чужинки. Недоставало философии, второго, третьего, четвертого плана.

— А ведь когда-то все было! Не влияние ли это уныло-примитивного телевизионного кино?

— Сложный вопрос. Пока я только констатирую — не было. Да, вликовцы вроде бы профессионально снимают хорошие истории, иногда берущие за душу, щемящие. Но, повторяю, утеряна тайна, философское начало. Того спектра, который дарит кинематографу магнетизм, — вот этого я не почувствовала.

— Сейчас много говорят о кризисе драматургии. Были ли конкурсные картины, которые удовлетворили вас в этом плане?

— Я бы назвала фильм, который и в этом аспекте, и во многих других показался мне очень интересным, — "Клюквенное поле навсегда". Сказка для взрослых. Завершенная история о встрече городской девочки и деревенского мальчика, поэтичная, нежная. Действительно органично сочетается с фантазией. Очень добрая картина. Что касается сценария, то он показался мне цельным в отличие от рваной драматургии в большинстве фильмов.

— Наша нынешняя действительность совершенно иная в сравнении с тем временем, когда вы были студенткой. Как это сказывается на мироощущении молодых? Идет борьба за выживание, за место под солнцем — борьба не на жизнь, а на смерть. Причем откровенная, иногда до открытого цинизма. Реалии сформировали достаточно прагматичных молодых людей. Вы увидели это на экране?

— Да. Но при этом я радовалась тому, что эти молодые как раз противостоят цинизму. Они борются за то, чтобы снимать другое кино. Реклама такого фильма не будет висеть на Пушкинской площади, они это прекрасно знают. Но их это не волнует — им дорого искусство в его настоящем звучании.

Меня поразило, как много было хороших документальных лент. Например, картина "Угольная пыль", отмеченная жюри. Фильм о забое, о том,



Н. Белохвостикова

как там выживают и погибают люди. С проникновением в души героев, умная, психологически точная. Картина тяжелая, временами страшная, но такая жизнь шахтеров. Причем изобразительное решение прекрасное. Мне довелось общаться с оператором "Угольной пыли" Николаем Карповым, учеником Вадима Ивановича Юсова. Еще один пример того, как не легко молодым и как они стремятся сделать все, чтобы снимать свое кино. Зарабатывают в рекламе, кто-то идет работать вторым режиссером, ассистентом, и потом заработанные деньги вкладывают в то, что хотят снимать.

Была у документалистов жесткая картина о Чечне. Был умный, глубокий фильм о таком страшном явлении, как появившиеся нацистские группы. После просмотра мне захотелось уйти и плотно закрыть двери.

— Судя по вашему рассказу, документалисты выглядели более зрелыми, чем игровики?

— Они серьезные в исследовании реалий. Не скажут по верхам. У них хорошая хватка. Очень работоспособны. Умеют зарабатывать деньги опять же для того, чтобы дофинансировать свой фильм. Прекрасно, что они способны так отстаивать свое право на профессию.

— Была ли в конкурсной программе картина, которая бы поразила вас?

— И не одна! Но в этом ряду я преж-

де всего назову фильм Марии Можар "Собака". Теперь могу признаться, что настояла на том, чтобы именно эта картина получила Гран-при и мой персональный приз. Кстати, ученица Евгения Ташкова Маша Можар и в прошлом году получила главный приз фестиваля. "Собака" — ее дипломная работа. Машу уже пригласил в свою кинокомпанию Алексей Учитель и дал ей постановку.

— Чем более всего покорила вас ее фильм?

— Зрелостью мышления. Точностью решений. Горечью рассказа о том, как жестоко люди. Из игровых лент я бы еще назвала фильм Игоря Хомского "История Н". Хомский — ученик Вадима Абдрашитова и сделал "рукодельную" картину, изысканную, очень красиво снятую. Хронометраж всего десять минут, фильм без слов. Странные, интересные лица героев, костюмы XVI — XVII веков. Конечно, это набросок, он может иметь продолжение. Но премию, на мой взгляд, рано давать его автору. Я спорила с членами жюри. Ребята очень смешно возражали мне: "Но "Оскара" ведь дают за такие фильмы!" В результате "История Н" получила диплом. В жюри были в основном молодые люди, они сами только недавно окончили институт и премии часто давали тем, кого знают.

— Вам приходилось активно оппонировать им?

— Не то чтобы активно, но приходилось. Мне, например, нравился фильм

"Рукокрылый", но победила другая картина, и мне этого не понять. Возможно, потому, что я отношусь к другому поколению.

Я бы назвала еще одну игровую ленту — "Свой-чужой" ученика Марлены Худиева Александра Ерофеева. Режиссер вернулся в годы войны, его герои — молодые солдаты, советский и немецкий. Оба — жертвы. Хотя мне недоставало в картине Ерофеева подробностей, точности в деталях. Шинели героев выглядели так, будто их принесли на съемку прямо из пошивочной мастерской. Костюмеры не потрудились "состарить" их. Это раздражало многих. В итоге мы не премировали картину, но ее автор, безусловно, талантлив и еще снимет яркие работы. Интересен игровой фильм "Моченые яблоки".

— Вы награждали и киношколы в целом?

— Да. В этой номинации победила Лодзинская киношкола из Польши. Ее студенты представили несколько фильмов, которые сразу вывели эту мощную школу на первые позиции. Соревнование было очень серьезным, в нем были представлены Прага, Тель-Авив, Лодзь, Киев, Сингапур, Лиссабон...

— На этом фоне не проигрывали россияне?

— Нет. Наше кино было особенным, не похожим на другое. Мы не лучше и не хуже. Позволю себе сказать — мы особенные даже на уровне студенческих работ со всеми огрехами, о которых я говорила.

— Живы ли традиции нашего кинематографа? Этот вопрос связан еще и с недавним яростным отрицанием прошлого...

— Честно говоря, перед фестивалем я боялась волны клипового кино. Но, к счастью, ничего этого не было. Кажется, уже всласть наигрались. Я долго не верила — думала, вот сейчас начнется это безумие, когда голова начинает кружиться, кружиться... Но нет! Молодые стремятся нарисовать психологический портрет героев, выстроить их взаимоотношения, они диалектичны в своем взгляде на жизнь. Мне нравится, как они ищут натуру, порой я дивилась: где они все это нашли? Были очень яркие образительные решения.

— Неужели не прорвались на фестиваль "чернушные" ленты?

— Нет. Я даже ощутила у наших конкурсантов некое потаенное отрицание такого кино.

— А что они предпочитают по жанрам?

— Рассказывать истории, что тоже радует. Это было особенно ощутимо в "Собаке" Маши Можар.

— Если вернуться к близкой вам актерской теме...

— Очень обидно, что не было ни одной достойной награды работы в одной из ведущих кинематографических профессий.

— Ваша дочь окончила актерский

факультет ВГИКа. Но ушла в режиссуру, сняла первую картину, сейчас продолжает трудиться на этом поприще. Как она находит средства для постановки?

— Наташа прошла экспертное жюри со сценарием своего нового фильма.

— Кто автор сценария?

— Леонид Зорин. Сценарий называется "В России идет снег". Хотя герой не россиянин.

— Вы будете сниматься в этой картине?

— Не будем загадывать. Давайте пождем, пока не раздастся команда "Мотор!"

— А что вы сами сейчас делаете?

— Озвучиваю свою роль в фильме Владимира Наумова "Джоконда". Роль характерная.

— Раньше вы никогда таких ролей не играли.

— Действительно, после окончания ВГИКа не играла.

— Трудно было сниматься в новом амплуа?

— Нет. Напротив — я была счастлива, что у меня такая работа, совершенно замечательно чувствовала себя в этом состоянии. Позволю себе надеяться, что будет неплохо.

— Пока мы беседовали, у меня возник еще один, очень, мне кажется, закономерный вопрос: вы не собираетесь преподавать во ВГИКе на актерском факультете? Вас не зовут?

— Зовут. Последние тридцать лет. И не только во ВГИК. Но я никогда не буду преподавать.

— Почему так категорично?

— Потому что у меня был великий учитель, который давал всем нам шанс в будущей профессиональной жизни. А сейчас как мне прийти к человеку и сказать: "Ты — талант, я тебя научу..." И что дальше? Чем я ему потом смогу помочь в нынешней ситуации в кино?

— Но ученики Сергея Аполлинариевича последнего выпуска, которых он не успел довести до диплома, например, Лариса Садикова, Геннадий Сидоров, пришли в кино уже после смерти мастера и прекрасно работают. Видимо, Герасимов умел не только точно выбирать учеников, но с первого курса воспитывать в них способность к самоосуществлению. Вы можете передать им принятое из его рук.

— Еще раз скажу — он был великий Учитель. Смогу ли я так хотя бы в какой-то мере устремлять людей? Отвечать за них? Понимаю, педагог обязан отвечать за своих учеников, реально, действительно. Не бросать их... Ты принимаешь на себя огромную ношу в тяжелейших обстоятельствах, которые знаешь не понаслышке. Имею ли я право?

Беседу вел
Эльга ЛЫНДИНА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ